

В октябре 2014 года подполковнику Памирову (фамилия изменена), находившемуся в служебном кабинете одного из подразделений ФСБ (вы будете удивлены, но все нижеизложенное имело место в одном из подразделений ФСБ на Камчатке), вдруг захотелось тепла и мужской ласки, которых, видимо, не могла обеспечить его жена. А, может быть, тлетворное влияние главного «законодателя голубой моды» США вдруг закужило голову бравого служивого.

Не вовремя появился в кабинете другой подполковник, Жарко (фамилия изменена), пришедший выяснить причину истерического состояния одной из своих подчиненных, которая повторяя: «Памиров, Памиров... Я не знаю, что я с собой сделаю... Как жить дальше?..» заливалась слезами.

С трудом выяснив, что Памиров, будучи в нетрезвом состоянии, продержал ее в своем кабинете долгое время, оскорблял, унижал и угрожал посадить в тюрьму или отправить служить в отдаленные точки, Жарко попытался выяснить причину конфликта.

Оказалось, что кто-то из сотрудников Памирова купил билеты на один из концертов, проходивших в ДК, в то время как наши доблестные офицеры могли посещать сии мероприятия бесплатно, по специальным приглашениям. То ли уж очень дорогие были билеты на концерт и купившему их военнослужащему стало жалко потраченных денег, и он пожаловался своему начальнику на «беспредел» творческих личностей, то ли иная причина была у Памирова, чтобы дать выход плохому настроению, не суть важно. Важно, что эта ситуация вдруг обернулась длительными репрессиями в отношении руководителя ансамбля подполковника Жарко и всех 23-х членов творческого коллектива.

Вернемся к началу нашей истории. Подполковник Жарко, договорившись о встрече с подполковником Памировым, пришел к последнему прояснить ситуацию с расстроенной женщиной. Памиров, по словам Жарко, был уже в легком подпитии и предложил прибывшему присоединиться к застолью и выпить с ним коньячку.

Решив, что коньяк поможет при разговоре, Жарко согласился. В ходе беседы Памиров не удовлетворился полученными объяснениями, а только «заводился» еще больше.

В итоге он предупредил, что «знает все коррупционные схемы» Жарко и вдруг заявил: «Я вас тут всех уничтожу, я был на войне, а вы тут сидели в тепле и спокойствии!». «А в прокуратуру можешь даже не обращаться. Я их всех по понедельникам строю!».

Подполковник Жарко пригласил подполковника Памирова посетить вверенное ему место службы, чтобы последний убедился, что никаких коррупционных схем и противоправных действий в работе клуба подразделения не прослеживается.

Дойдя до клуба, Памиров «поставил задачу» еще одному военнослужащему Гришину (фамилия изменена) купить коньяк «Хеннеси» и включить тэны в помывочной на втором этаже.

Из пояснений Гришина следователю-криминалисту выходит, что он включил тэны, купил коньяк в «Пробочке» на Тушканова, а вернувшись в кабинет Жарко и поставив на стол бутылку, увидел, что подполковник Памиров, стоящий к нему спиной, обхватив подполковника Жарко за шею, настойчиво приговаривая: «Гера, давай», подтягивает Жарко к себе поближе. По словам Гришина, он понял, что Памиров пытался поцеловать Жарко, а последний сопротивлялся непрошенным ласкам. Гришин (опять же с его слов) в легком шоке от увиденного вышел из кабинета начальника и некоторое время следил за гардеробом клуба. Затем он решил проверить, нагрелась ли помывочная, и обнаружил, что там нет полотенец. Полотенца и простыни хранились в подсобном

помещении кабинета начальника клуба, куда не так давно Гришин занес бутылку «Хеннеси». Гришину очень не хотелось возвращаться в помещение, где его психика была слегка травмирована странным поведением одного из руководителей, но выхода не было. Гришин спустился в кабинет, дверь которого была приоткрыта. Взяв стопку простыней и полотенце, Гришин, по его словам, услышал в кабинете звуки борьбы и слова Памирова «С..а, если ты не ... (если выразаться прилично, то смысл был следующим: не сделаешь то, что я хочу), будет все плохо и тебе и твоему ансамблю». Шокированный еще раз Гришин пошел, как он пояснил, «дальше заниматься обеспечением мероприятия по бодибилдингу», проводимому в тот день.

Через некоторое время Гришин вышел на крыльцо клуба покурить. Вскоре туда же вышел Жарко и, плюясь и выражаясь нецензурно, сообщил, что подполковник Памиров пытался склонить его к гомосексуальной связи. В результате, понимая, что Жарко ни при каких условиях не согласится, Памиров потребовал поставлять ему мальчиков для сексуальных утех.

В этот же день Жарко доложил о случившемся вышестоящему командиру, но рапорт писать не стал, так как посчитал инцидент исчерпанным. Подполковнику Памирову было «сделано устное замечание о недопустимости такого поведения и необходимости соблюдения этических норм на службе». «Ввиду малозначительности конфликта служебное разбирательство не назначалось, проверка сообщения не инициировалась». Но не зря подполковник Памиров, оскорбленный до глубины души отказом, угрожал строптивому Жарко, что сумеет воспользоваться своим положением и примет карательные меры к сотрудникам ансамбля и к Жарко лично.

И он активно начал пользоваться этим своим служебным положением, которое многое ему позволяло.

По рассказам членов творческого коллектива клуба, во время активной подготовки к праздничным мероприятиям, посвященным Дню защитника Отечества от сотрудников ансамбля начали требовать обязательного посещения занятий по физической подготовке. В результате время физических нагрузок на сотрудников вокального и балетного состава ансамбля стало составлять более 7 часов. Некоторым артистам (женщинам) было приказано очищать территорию от снега, убирать собачьи фекалии. Не будем перечислять все требования и придирки, которые возможны в отношениях начальник-подчиненный.

Затем не забывший обиды подполковник Памиров организовал уголовное преследование подполковника Жарко, которому инкриминировались шесть преступлений, предусмотренные ч. 3. ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере). С февраля 2015 года по октябрь тянулись долгие расследования «преступлений» Жарко. И неважно, что дело было прекращено «в связи с отсутствием составов шести преступлений». Все это время ансамбль не имел возможности заниматься своим непосредственным делом. Не было репетиций, не было выездных концертов, которыми раньше творческий коллектив радовал военнослужащих и жителей дальних поселков Камчатки. До этого ансамбль песни и пляски регулярно устраивал концерты для пограничников и жителей приграничья населенных пунктов Чукотского округа, Магаданской области, Якутии и конечно же Камчатского края: Усть-Камчатска, Крутоберегова, Ключей, Эссо, Анвавгая, Милькова, Оссоры, Усть-Большерецка, Сокоча и многих других. С декабря 2014 по настоящее время ансамбль нигде ни разу не смог

выступить. Часть сотрудников была уволена, кто-то заплатил за все эти перипетии своим здоровьем.

Но подполковнику Памирову и этого показалось мало. Со слов Жарко, Памиров предпринял попытки подорвать авторитет супруги Жарко, занимающей руководящий пост в одном из банков. Так, к стандартному запросу о движении денежных средств по счетам в банке была приложена информация о ее возможном участии в финансовых махинациях и якобы легализации преступных доходов. Естественно, этим были доставлены огромные неприятности ни в чем не повинной женщине.

В течение всего года продолжались гонения. За этот период подполковнику Жарко не в полном объеме выплачивалось денежное довольствие, которое было выплачено только после его обращения в суд.

Подполковник Памиров настаивает на том, что его оговаривают сам Жарко и сотрудники ансамбля из-за возбуждения уголовного дела в отношении Жарко. Ничего подобного никогда не происходило. В указанный день он на работе не был и ни с Жарко, и ни с кем из сотрудников ансамбля не встречался, коньяк не пил. Никакого давления на сотрудников ансамбля ни им самим, ни его подчиненными не оказывалось. Все – неправда.

Зачем же тогда подполковник Жарко сочинил всю эту историю?

Из заключения специалиста № 730/20/2015 от 10.04.2015 следует, что «в ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа, выявлены реакции, согласующиеся с сообщенной Жарко по делу информацией о сексуальных действиях, совершенных в отношении него Памировым. Психофизических реакций, противоречащих сообщенной информации, не выявлено».

Подполковник Памиров от прохождения исследования с использованием полиграфа отказался. Он посчитал, что «данное исследование не может являться доказательством правдивости его пояснений».

На все заявления подполковника Жарко с просьбой возбудить уголовное дело в отношении подполковника Памирова по ч. 3 ст. 30, (Приготовление к преступлению и покушение на преступление), ч. 1 ст. 132 УК РФ (Насильственные действия сексуального характера), ч. 1 ст. 133 УК РФ (Понуждение к действиям сексуального характера), и ч. 1 ст. 286 УК РФ (Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан) были изданы постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Из текста постановления об отказе в возбуждении уголовного дела: «...проведенной по заявлению Жарко проверкой установлено, что формально в действиях Памирова усматриваются признаки преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 132 УК РФ, ч. 1 ст. 133 УК РФ. Однако, действия Памирова по отношению к Жарко не могут расцениваться как насильственные действия сексуального характера с применением насилия, так как Памировым опасное и неопасное для жизни здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением физической боли, в отношении Жарко не совершались. Также, учитывая время и место высказанных им (Памировым) слов в ходе совместного распития спиртных напитков с Жарко, указывает на отсутствие у Памирова умысла на понуждение Жарко к действиям сексуального характера путем шантажа. В действиях Памирова также не содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, так как им не совершались какие-либо действия, явно выходящие за пределы его полномочий [...],

повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или охраняемых законом интересов государства. В связи с изложенным прихожу к выводу о необходимости отказать в возбуждении уголовного дела в отношении Памирова по основанию, предусмотренному п.2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст.30, ч. 1 ст. 132 УК РФ, ч. 1 ст. 133 УК РФ и ч. 1 ст. 286 УК РФ».

Официальные обвинения за деяния Памирова в отношении своего подчиненного звучат так обтекаемо, что просто умиляешься. Как будто с поличным накрыли какого-нибудь начальника, требовавшего любви от своей секретарши. Ну, а что «объектом сексуальных домогательств» таких же вот голубых подполковников могут явиться солдаты-срочники – так это же «мелочь», правда? Только вот для юношей в армии, имеющих нормальную гетеросексуальную ориентацию, роль «пассивного любовника» «голубого командира» образца подполковника Памирова – это даже не моральная травма, а настоящая катастрофа. Сравнивая разве что с ощущением изнасилованной девушки. Да и то, последней принято сочувствовать, да и насилие такое совершается хотя бы «естественным» способом. В отличие от способов мужеложеских, после которых на несчастном парне может оказаться несмываемое клеймо на всю жизнь. Хорошо, если все-таки brave подполковник не станет искать себе «четырёх мальчиков». А если все же станет? Что тогда скажет очередной следователь-криминалист военного следственного отдела?

Видимо, действительно подполковник Памиров «строит по понедельникам» прокуратуру и следственный отдел. Интересно, каким именно способом?

Мария РАКИТИНА.

Справка «В»

При Петре I «Артикул краткий» 1706 года повелевал в качестве меры наказания для гомосексуалистов сожжение на костре, с 1716 года замененный на телесные наказания. Но, если при «голубой любви» применялось насилие, виновнику грозила смерть или вечная ссылка на галеры. Последняя, впрочем, мало отличалась от смерти – просто она наступала, как следствие тяжелого труда, спустя, максимум, несколько лет. В принятом при Николае I «Уложении о наказаниях» 1832 года существовал параграф 995, согласно которому «изобличенный в противоестественном пороке мужеложества» лишался всех прав состояния и приговаривался к 4-5-летней ссылке. Ну, а всем известная статья 121 советского Уголовного кодекса предусматривала лишение свободы до 5-8 лет.